

МАСТЕРА

Собеседник, 1987 №4, явл.

Алмазный его венец

Поэт, прозаик, драматург, публицист — и все это — Катаев.

Я приехала в Переделкино вместе с фотокорреспондентом в завьюженный день. Времени не так много — Валентин Петрович предупредил еще по телефону! И мы, поднявшись вместе с хозяйном по скрипучей деревянной лестнице в его рабочий кабинет, просим Катаева остановиться около массивного письменного стола. Снимок сделан! Сегодня фотография публикуется впервые. Посмотрите, каким Валентин Петрович был красивым, статным в свои восемьдесят! Каким умом, достоинством, какой иронией светятся глаза!

Ровно десять лет назад я получила задание газеты сделать юбилейное интервью с Катаевым. Ехать к самому Катаеву? Не было, может быть, в моем раннем детстве дней, прожитых с такой полнотой, как те, когда я словно бы и не жила — читала книжки. Эта выделялась своей «зачитанностью» среди многих: куда толще своего первоначального объема, с лохматыми, осыпавшимися углами, вываливающимися страницами. Валентин Катаев, «Белеет парус одинокий». Потом были «Хуторок в степи», «Зимний ветер», «За власть Советов». Уже в школе прочла «Время, вперед!» И вдруг — новый Катаев! Совершенно новый! Кажется, хранил до определенного срока клад, потом отрыл его, открыл перед нами... «Трава забвения», «Святой колодец», «Кубик», «Фиалка», «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Остроумные хроники, сфокусировавшие дух и правду жизни.

А сколько читательских поколений должны быть благодарны Катаеву-редактору! Создав в 1955 году журнал «Юность», он объединил под «крышей» молодежного издания лучшие силы, составляющие цвет советской литературы. В младенческом возрасте журнал переживал поистине золотую пору зрелости. Мы торопились подписаться на «Юность», свежий номер вырывали друг у друга из рук... На следующий день в газете появилось мое интервью с Валентином Петровичем Катаевым, как и просили в редакции: «по делу», никакой «лирики», никакой «философии», в сопровождении фотографии, только совсем другой — мой коллега решил снять его еще на улице, на тропинке неподалеку от дома, где Валентин Петрович каждое утро, каким бы оно ни было, погожим, непогожим, совершал прогулки. А у меня осталась эта фотография, остались и некоторые заметки, не попавшие в интервью. Ощущение, что попала к «самому Катаеву», исчезло, лишь только я переступила порог его дома. Человек энциклопедических знаний, высочайшей культуры (член Французской академии Гонкуров и Майнцкой академии искусств и науки), он не подавлял, не сковывал собеседника, не держал в разговоре на почтительном от себя расстоянии, не заставлял цепенеть от страха. С первых же минут с ним можно было общаться, как с «простым смертным», поэтому и вырвалось у меня единым духом, наверное, по-детски наивно и как-то обнаженно:

— Ваши книги — это все вы?! Всегда такой непохожий на самого себя?! Такой разный? Такой удивительный?

— Вы, видимо, не читали моих стихов — тогда «знаков вопроса» было бы еще больше... Начал-то я со стихов и, как все молодые поэты, находился в состоянии вечного душевного смещения. Носился по редакциям одесских газет, читал стихи кому попало, спрашивал мнение товарищей, папы, тети. Мучил своими «творениями» младшего брата Женю, посылал их бабушке в Екатеринослав. Местные гимназистки считали меня чуть-чуть сумасшедшим. (Кстати, мои стихи так опубликовали в 1910 году в «Одесском вестнике»).

Ну, а потом остепенился: перешел на прозу, пробовал себя неоднократно в драматургии, но, в сущности, писал и продолжал писать одну книгу. Страницы только у нее разные.

— Закрывая последнюю, вряд ли определишь, догадаешься, о чем, о ком будет новая. Иногда даже кажется, вы поддразниваете читателя.

— Был участником трех войн, над головой пронеслось столько бурь, штормов! Судьба сталкивала, сталкивает с такими интереснейшими людьми... Изю всего этого и складывается Книга длиною в десятилетия. Биография автора сливается естественно с биографией века. Во всяком случае, никогда не сужал себя в теме, в материале. Не понимал писателей, которые ограничивают себя на всю жизнь одной какой-нибудь стороной обще-

ственного бытия. Что значит быть писателем «городским», «деревенщиком», «военным»? Чехов писал о рабочих и крестьянах, о генералах и чиновниках, о помещиках и учителях. Писал о жизни. Был энциклопедичен. Разумеется, не пытаюсь даже отдаленно сравнивать себя с Чеховым, но для всех нас это — великий образец.

Ну, а для каждой новой «постройки» стараюсь не брать готовый, наработанный материал — создаю особый. Ведь старые мастера живописи для каждой своей картины сами, собственноручно, готовили краски, грунтовали холст. Стараюсь найти для новой вещи новый словарь, новый ритм, новый синтаксис, новую музыку.

— Музыку?!

— Именно так. Мопассан, например, считал: в литературном деле главное — глаз. Я думаю — ухо, слух. Всегда пробую слово, фразу на слух, и тема подчас рождается на музыкальной основе.

— В последних своих произведениях, Валентин Петрович, вы любите называть себя «мовистом». Слово для определения творческого метода, литературной манеры новое, но если «извлечь» английский корень (to move — двигаться), суть понятия очевидна, и вы поясняете это по ходу действия... Персонажи в ваших книгах свободно перемещаются во времени и пространстве, и читатель как бы идет по мосту, перекинутому из настоящего в прошлое. Но вам, разумеется, неизвестно, что калька с французского «mauvais» — «плохой», «дурной», «скверный». Как вы беретесь это объяснить?

— А что вас смущает? Бывало, меня не очень-то жаловала критика, да просто-напросто замалчивала. Стало быть, она и считала меня писателем «плохим», «дурным», «скверным» — а?! — И мой собеседник от души рассмеялся. — А коли серьезно, то «плохое» я толкую как отличное от другого, традиционного, в данном случае привычного. Моя проза как бы «непричесанная», неупорядоченная определенной архитектурно-живописной манерой, жанром, сюжетом.

— Многие писатели ведут дневники. А вы?

— Ну, «вести» — как-то слишком торжественно звучит... — И Катаев показал рукой на одну из полок, где теснились пухлые, похожие на школьные, аккуратно пронумерованные тетради. — Только в них мало интересного — короткие, в полстранички, утренние записи.

Мы поднялись. Валентин Петрович снял с полки только что вышедшую книгу «Кладбище в Скулянах», сделал дарственную надпись и вручил ее мне.

А я взглянула напоследок на его стол: на крупном листе бумаги были выписаны первые строки сегодняшнего дня... Было ему восемьдесят, и он заканчивал «Алмазный мой венец». Потом, на пороге своего восьмидесятилетия, завершил «Юношеский роман»...

Душой-то оставался молодым до последних дней жизни! Не случайно и Катаев тоже напутствовал наш «Собеседник»: продиктовал по телефону, как у газетчиков говорят, «в номер» — в самый первый номер! — доброе, дружеское послание...

Инна Дуцицкая.